

УДК 821.161.1

Матвеев В.М.

Московский государственный областной университет

**Е. А. САЛИАС-ДЕ-ТУРНЕМИР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНИСТ:
ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА ПИСАТЕЛЯ**

V. Matveev

Moscow State Regional University

**E. SALIAS DE TOURNEMIRE AS A HISTORICAL NOVELIST:
THE ORIGINS OF THE ARTISTIC MASTERY OF THE WRITER**

Аннотация: Популярнейший исторический романист второй половины XIX в. граф Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир был предан забвению на протяжении почти всего двадцатого столетия. В статье описаны основные вехи биографии и творческой деятельности писателя, обоснована значимость для развития русской и мировой литературы его исторической прозы, отражены предпосылки становления автора как исторического романиста, раскрыта тематика художественных произведений, даётся анализ романов «Пугачёвцы», «Петербургское действо», выявлена степень подражания Л.Н. Толстому.

Ключевые слова: граф Е.А. Салиас-де-Турнемир, исторический роман, народный бунт, русская литература XIX в., императорская власть, власть и народ, мировоззрение.

Abstract. Popular historical novelist of the second half of 19th century count E. Salias de Tournemire fell into oblivion for most of the 20th century. The article describes the major milestones of biography and creative work of the writer, arguing for the importance of his historical prose for Russian and world literature. It also shows the author's way to a historical novelist, reveals themes of his works, analyzes the novels "The Pugachevs", "Petersburg action", reveals the extent of imitation to L. Tolstoy.

Keywords: count E. Salias de Tournemire, historical novel, people's riot, Russian literature of the 19th century, imperial government, nation and authorities, world view.

В 2013 г. исполняется 105 лет со дня смерти известного романиста России второй половины XIX в. Е.А. Салиаса-де-Турнемира. Обнаружив своё призвание в написании исторических романов и повестей, Салиас полюбился читающей публике того времени именно в этом качестве. В наше время, когда история Отечества, в том числе и история литературы, подвергаются многочисленным искажениям, важно препятствовать подобным явлениям, сохраняя объективность в суждениях, а «представить русскую словесность без Салиаса – это всё равно, что представить французскую литературу без Александра Дюма-отца» [1, с. 1].

Имя русского писателя Евгения Андреевича Салиаса остаётся и сегодня почти неизвестно широкой читательской публике. При этом после своей смерти прозаик оставил для потомков 33-х томное собрание сочинений (первые книги появились в 70-х и 80-х гг. XIX в., до революции 1917 вышли все тома).

Интеллектуальному росту Салиаса способствовало его окружение: Н.П. Огарёв и С.Т. Аксаков, И.С. Тургенев и А.Н. Островский, А.А. Григорьев и Н.С. Лесков, которые часто гостили в доме Сухово-Кобылиных. Многих из них юный Салиас мог встретить на заседаниях одного из лучших литературных салонов Москвы того времени, который вела его мама

Елизавета Васильевна Салиас (известная под псевдонимом Евгения Тур). Стоит упомянуть о семье Евгения Салиаса, старшие члены которой воспитывали внука в строгости, развивая при этом его эстетический вкус. В памяти писателя сохранился колоритный облик бабушки Марии Ивановны Сухово-Кобылиной, властной помещицы и женщины, привыкшей оставлять последнее слово за собой. «Нередко после расправы с горничными и лакеями, когда пощёчины щедро расточались ею направо и налево, она закуривала сигару и усаживалась на диване с французским переводом философии Шеллинга в руках. Более странного сочетания мнимой образованности и самых диких крепостнических привычек не случалось мне встречать на моём веку», – вспоминал впоследствии домашний учитель [7, с. 343].

Среди ярких воспоминаний юного Салиаса – большая гостиная, производившая на него сильное впечатление своим богатым убранством, а также величием висевших на её стенах фамильных портретов. Впечатление было настолько сильным, что, будучи взрослым человеком, Салиас продолжил эту семейную традицию, украсив соответствующе свой рабочий кабинет: «...Большой стол был весь уставлен семейными фотографиями в рамках. Прекрасные фамильные портреты масляными красками висели на стенах. Здесь были два портрета отца писателя, его деда, бабки и прадеда» [5, с. 652].

Особой вехой в жизни Салиаса стало обучение в Московском университете. Это время значимых политических и социальных реформ. Напряжение, которое сопровождало перемены в жизни людей, коснулось и Салиаса. Он был одним из активных участников так называемых студенческих волнений, был делегирован с петицией к императору Александру II. В конечном итоге голос студенчества был услышан, и государь удовлетворил большинство из требований, касавшихся, к примеру, возможности, как и прежде, организовывать студенческие собрания. Однако при всём мирном разреше-

нии Салиас так и не смог окончить университет, едва доучившись до 3-го курса. Лично за ним и его семьёй был организован негласный полицейский надзор, несмотря на то что Салиаса простили как аристократа. Переезд в Петербург и попытка доучиться в университете не увенчалась успехом. В 1862 году Салиас с матерью покидают страну на 5 лет. Всё это время они живут во Франции, иногда совершая путешествия по соседним Италии и Испании.

В 1869 году он возвращается в Россию и попадает в Тамбов, где состоит на службе при губернаторе. Находясь в подчинении градоначальника, Салиас проявляет себя как человек разностороннего дарования, исполняя обязанности сверхштатного чиновника особых поручений, помощника секретаря статистического комитета и редактора «Тамбовских губернских ведомостей» одновременно. Выполняя поручение губернатора и пользуясь материалами из местного архива, он пишет очерк «Г.Р. Державин. Правитель Тамбовского наместничества» (затем под названием «Поэт-Наместник»). В очерке поэт Державин предстаёт исключительно с бытовой, служебной стороны: «неподкупная честность» в сочетании со «вспыльчивостью» и «самовластием» [6, с. 66]. В Тамбове начинается работа и над самым известным произведением – романом «Пугачёвцы» (1871).

Салиас глубоко изучал историю и быт XVIII столетия, которому посвятил большинство своих романов и повестей. «Если верить в перевоплощение, – утверждал Салиас, – то не могло бы быть сомнения, что я когда-то жил именно в XVIII в. Этот век – мой любимый. В нём я как дома. Если оставить в стороне мистику, то этому можно подыскать и совсем научное основание. Видите ли, ведь я застал ещё крепостную Русь, а у этой крепостной Руси было прямое преемство от Руси екатеринской. Преемственно расставлялась в квартирах мебель, преемственно складывался обычай. Мои деды и бабки могли помнить ещё настоящих людей екатеринской поры» [5, с. 643].

Салиас изучал свои корни. Его привлекал древний род матери, восходящий к династии Андрея Кобылы (потомка святого Варлаама Хутынского, прародителя династии Романовых и графов Шереметьевых). Всё это подтолкнуло Салиаса к вступлению на поприще исторического романиста, и обещающий прозаик обращается к родной истории. Этот период стал плодотворным для писателя, а его произведения публикуются в самых популярных журналах, среди которых «Огонёк», «Нива», «Русский вестник», «Исторический вестник», «Русская мысль».

Роман «Петербургское действо» (1884) производил сильное впечатление на читающую публику. Роман, повествующий о перевороте 1762 г., стал одним из лучших на эту тему. Переломный момент в жизни страны, на российский престол была возведена немецкая принцесса София-Фредерика-Августа, которая вошла в историю под именем великой императрицы Екатерины II. В романе историко-авантюрного повествования Салиас соединил фактографическую точность с большой психологической достоверностью и историософским анализом изображаемых персонажей и событий. Как отмечалось в журнале «Исторический вестник», «роман ставит в ту жизнь, как если бы вы были современниками переворота, и вы сразу ориентируетесь во всех обстоятельствах и получаете уроки не только в понимании прошедшего, а и настоящего» [5, с. 643].

В начале 1870-х гг. на страницах журнала «Русский Вестник» появились романы «Бегуны» и «Земцы и немцы», составившие позже, вместе с двумя другими томами – «Два коновода» и «Пугачи», – большой роман-хронику «Пугачёвцы». Работа над написанием «Пугачёвцев» была долгой и кропотливой: Салиас много работал с архивными источниками, совершал поездки к местам основных событий Пугачёвского бунта. Работа была закончена к 1871 г.

Не все критики того времени приняли восторженно труд Салиаса. Литературная критика второй половины XIX в. тяготела к

«отыскиванию тенденций» [2, с. 383]. Суждение о том, что прозаик взял у Л.Н. Толстого «целиком всё, что только можно было взять: характеры, сцены, мотивы, философию, словом, всё» [2, с. 387], также является необъективным. Рассмотрение «Пугачёвцев» важно еще и потому, что именно по нему критика составила литературный портрет автора. «Роман «Пугачёвцы», по общему признанию, есть лучшее произведение графа Салиаса, в котором с наибольшей силой выразились различные стороны его таланта. Дальнейшие произведения графа Салиаса уже только подводились под ранее созданное определение, основанное на этом романе» [2, с. 383]. Свидетельство писателя той эпохи К. Головина: «В то время исторические романы были в большом ходу, и четыре тома «Пугачёвцев» проглатывались всеми» [3, с. 326].

Четырёхтомная эпопея «Пугачёвцы» предполагалась как первая часть целой тетралогии. Вторая часть «Вольнодумцы» предполагала рассказ о героях и жертвах Великой французской революции; третья часть – «Супостат» – описывала бы историю 1812 года и наполеоновского нашествия. Содержание последней части раскрывает её название – «Декабристы». Однако этот творческий замысел так и остался нереализованным.

Многогеройная панорама романа-эпопеи «Пугачёвцы», перемежающая историческую хронику с семейной, показывает целый край (Казанская и Оренбургская губернии), охваченный пожаром пугачёвского восстания. Два образа Пугачёва (противоречивый образ которого дан в развитии: лихой атаман превращается в спившегося бездельника) символизируют подъём и упадок бунта как стихии возмущения обездоленных людей, переродившейся в азарт беззакония и грабежа. Первоначальному успеху бунта в большей степени способствовала позиция провинциального дворянского общества, которое превратно понимало положение крестьян. Салиас шаржирует исторические личности В.А. Кара, И.А. Рейнсдорпа, Ф.Ю. Фреймана, действия главного вымышленного героя – князя Дани-

лы Хвалынского, чьё прямодушие искажено властолюбием и жестокостью в духе времени: героические усилия подавить крестьянские волнения только усиливают их. Успешно противодействует «пугачёвцам» лишь умная энергия И.И. Михельсона и А. И. Бибикова (он идеализирован как трагический герой, не успевший донести до Екатерины II идею отмены крепостного рабства).

Салиас пытается реализовать символично-поэтическую модификацию жанра исторического романа через лирические отступления и сказовые интонации повествователя, ассоциативную связь эпизодов. Инфернальную поэзию бунта персонифицируют не только Пугачёв и его «царица» Устинья, но и ряд символических персонажей: не разъяснённый читателю «русый молодец», первый самозванец, загубленный самими казаками, сквозные фигуры богатыря-простеца Савки и пронеры Яшки. На дворянской половине романа поэтической символизацией отмечены два женских типа: героический («русская Юдифь» Параня) и кроткий (Милуша).

Салиас несомненно испытал сильное влияние Л.Н. Толстого. Это обстоятельство не может служить упрёком для писателя с меньшим дарованием, чем гениальный создатель «Войны и мира». Несмотря на то что влияние Толстого на Салиаса сказалось более чем следовало бы для его самостоятельности, нельзя утверждать отсутствие достоинства произведения Салиаса.

Нужно при этом сказать, что в практическом художественном исполнении введение в романы массовой, народной психологии не всегда ему удавалось. Психология масс – дело трудное и новое, и художественное воспро-

изведение событий, основанных на ней, по силам только гениальным представителям литературы. Даже Толстой, отражая в своём великом произведении значение массы народной в исторической картине, чувствуя необъятность своей задачи, считал нужным пояснения и дополнения. Салиас в состоянии лишь приоткрыть мир, скрывающий за собой силы, вырывающиеся в форме исторических фактов. Картины движений масс у него бледны, объяснения посредством личной судьбы отдельных персонажей недостаточны. При этом автор даёт ясные представления о них, и читатели, интересующиеся не только внешностью исторических событий, а их сущностью, признают большое значение его произведений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беляев Ю. Любимец читающей России. Вступительная статья. Е. Салиас, сочинения в 2-х томах. Том первый. Историческая проза. – М.: Художественная литература, 1992. – 541 с.
2. Введенский А.И., Современные литературные деятели. Граф Е. А. Салиас. – Исторический вестник. – № 8. – 1890. – 683 с.
3. Головин К. Мои воспоминания. Т. I (до 1881 г.), Разд. XXIII. – СПб, 1908. – 396 с.
4. Достоевский в неизданной переписке современников, Е.А. Салиас – Евгении Тур. Царское Село 3 октября 1862 г. // Литературное наследство. – Т. 86. – 1973. – 790 с.
5. Измайлов А.А., Романист на покое (из воспоминаний о графе Е.А. Салиас-Турнемир) // Исторический Вестник. – № 2 (Февраль). – 1909. – 864 с.
6. Поэт Державин правитель наместничества (1785-1788) // Русский Вестник. – Т. 125, гл. 1, разд. XV. – М., 1876. – 902 с.
7. Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). Гл. 10. Графиня Салиас де Турнемир и её семья. – М.: Изд. Новости, 1991. – 458 с.